

DOI: 10.22363/2312-9220-2022-27-2-299-322

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Английская и американская рецепция «Красного смеха» Л. Андреева

Е.А. Маркова

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького (ИМЛИ РАН),
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а*

*Российский университет дружбы народов (РУДН),
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6*

 glazkova1992@gmail.com

Аннотация. Рассматривается английская и американская рецепция одного из самых резонансных текстов Леонида Андреева, его рассказа «Красный смех». Проанализированы свидетельства о его прочтении и осмыслении в самых разных источниках — это газетные и журнальные публикации, предисловия к переводам, художественные произведения, мемуары. Прослеживаются всплески интереса к рассказу, связанные со значимыми в истории России и всего мира событиями (революция 1905 года, две мировые войны), история переводов андреевского текста, общий контекст, в который «Красный смех» оказывается вписанным, — исторический, социальный, культурный и литературный. Андреев сопоставляется не только со своими соотечественниками (здесь наблюдаются ожидаемые параллели — Горький, Толстой, Чехов, Тургенев), но и с писателями, представляющими «литературу ужасов» (По, Готорн, Джеймс, Кроуфорд), и с теми, кто писал о Гражданской войне в США (Крейн, Бирс). Автор пришел к выводу, что в англоязычной журналистике и публицистике Андрееву дан широкий спектр оценок — он предстает как реалист, экспрессионист, автор «литературы ужасов» и «странной литературы», символист, декадент.

Ключевые слова: рецепция, Л. Андреев, «Красный смех», взаимосвязи русской и англоязычных литератур, ранние переводы Л. Андреева

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию — 4 апреля 2022 г.; откорректирована — 12 апреля 2022 г.; принята к публикации — 14 мая 2022 г.

Для цитирования: Маркова Е.А. Английская и американская рецепция «Красного смеха» Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 299–322. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-299-322>

British and American Reception of *The Red Laugh* by Leonid Andreev

E.A. Markova

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russian Federation*

*Peoples' Friendship University of Russia,
10/2 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation*

 glazkova1992@gmail.com

Abstract. The article deals with the English-language reception of *The Red Laugh*, one of the most well-known of Leonid Andreev's texts both in Russia and abroad. As the examples of this reception, a number of newspaper and magazine publications, memoirs, translators' prefaces, and works of fiction are analyzed. There exist several waves of interest in Andreev's story. They could be explained either by the appearance of new translations or by significant historic events of the time (the Russian Revolution, World Wars I and II). Andreev's critics in Britain and America place his story in a variety of contexts – historical, social, cultural, and literary. Some literary parallels are quite expected and seem to come from Russian sources (parallels with Gorky, Tolstoy, Chekhov, Turgenev), others are completely original and 'indigenous' to Britain and America (commentators of Andreev's text see its resemblance with the horror and "weird" fiction of Poe, Hawthorne, Henry James, as well as with some works of war fiction, such as *The Red Badge of Courage* by Stephen Crane). A wide spectrum of characteristics is given to the author of *The Red Laugh*; he is perceived as a realist, expressionist, an author of horror and weird fiction, a symbolist, and a decadent.

Keywords: literary reception, Leonid Andreev, *The Red Laugh*, interrelations of Russian and English-language literatures, early translations of L. Andreev

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted: April 4, 2022; revised: April 12, 2022; accepted: May 14, 2022.

For citation: Markova, E.A. (2022). British and American reception of *The Red Laugh* by Leonid Andreev. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(2), 299–322. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-299-322>

Введение

Восприятие андреевского творчества в Европе и США — тема достаточно большая — Андреев оказался одним из немногих русских писателей рубежа веков, которых стали рано и активно переводить на основные европейские языки, но изученная недостаточно. Следует отметить существующие работы о рецепции творчества Андреева в Европе и США в целом (Григорьев, 1972), а также в отдельных странах: Германии (Бондарева, 2005; Кен, 1975; Хайрулина, 2019), Франции (Роле, 2012), Великобритании (Дэвис, 2012;

Davies, 2011), США (Ришина, 2012) и других странах)¹. Наиболее исследованным представляется вопрос взаимосвязей Андреева с немецким экспрессионизмом, что объяснимо близостью творческого метода и стиля русского писателя этому направлению, ассоциирующемуся прежде всего с Германией². Проблема рецепции произведений Леонида Андреева в Великобритании с США, частному аспекту которой посвящена настоящая статья, еще не становилась предметом крупного исследования, диссертации или монографии. Наше обзорное исследование призвано способствовать частичному восполнению этого пробела.

Рассмотрение англоязычной рецепции Л. Андреева представляется логичным начать именно с рассказа «Красный смех» (1904). Во-первых, он стал одним из первых текстов писателя, переведенных на английский язык, и, скорее всего, самым первым — согласно библиографии переводов Андреева на английский, составленной Р. Дэвисом в 2012 году (Дэвис, 2012). Именно это произведение (его тематика, проблематика, стиль) и его оценки заложили основу восприятия творчества Андреева в Великобритании и США. Именно с ним соотносили многие последующие английские переводы и издания произведений Андреева (Andreyev — A New Portent in Russian Literature, 1908; Bernstein, 1908; Leonid Andreev, Apostle of the Terrible, 1912).

Ко времени выхода первого английского перевода (1905 год) на своей родине Леонид Андреев был уже весьма популярным, хотя и «молодым», «новым» писателем. Его произведения читали почти все деятели Серебряного века (Боева, 2018). В России «Красный смех» был оценен как текст остро актуальный и общественно значимый. Приведем только некоторые высказывания из отечественной газетной публицистики того времени: «гневный пламенный памфлет против войны и всех ее ужасов»; «огненное слово, надрывным криком вырывающееся из возмущенной души» (Ашешов, 1905, с. 37); «это не только литературно-художественное, но и общественное явление, такое же, как сама война или 9-е января» (Андреев, 1994). В России «Красный смех» обсуждали в контексте антивоенных трактатов Толстого; критиковали Андреева за изображение войны, в которой он сам участия не принимал; воспринимали изображение войны в рассказе как аллегория войны в целом (Шишкина, 2020).

Вероятно, более глубоко проникли в андреевскую эсхатологию его великие соотечественники-современники, в частности Вяч. Иванов, который связывал этот рассказ с идеями Ницше (Иванов, 1905, с. 43), и А. Белый, который говорил о «Красном смехе» как о воплощении борьбы вселенской души с мировым ужасом (Белый, 2012). В Великобритании же на первый перевод Андреева, несмотря на то что его имя было уже на слуху, его вели-

¹ См., напр., раздел «Рецепция» в кн.: Леонид Андреев: исследования и материалы, 2012. Перечислены только некоторые работы по теме.

² См. вступительную статью к «Энциклопедическому словарю экспрессионизма»: (Топер, 2008).

кие зарубежные современники не обратили особого внимания, хотя многие из них интересовались русской литературой — Дж. Гиссинг, Т. Харди, Дж. Конрад. Позже — группа «Блумсбери» и В. Вульф, Д.Г. Лоуренс, Дж. Джойс и др. При этом в скобках отметим, что Вульф вместе со своим мужем издала в 1922 году рассказ «Тьма». Лоуренс, хотя и читал Андреева, им не проникся, и хоть сколько-нибудь развернутых отзывов о его творчестве не оставил. Вместе с тем авторы последующих поколений обратили внимание на Андреева (Дж.К. Повис упоминает повесть «Иуда Искарот») (Powys, 1934, p. 467), К. Уилсон пишет главу об Андрееве в одном из своих трудов (Wilson, 1962, pp. 83–93)).

Несколько иная ситуация сложилась в Америке. Известно о рецепции Андреева в традиции американской литературы ужасов — у Г.Ф. Лавкрафта («Красный смех» и «Рассказ о семи повешенных» хранились в его библиотеке (Joshi, 2017)) и Р.Э. Ховарда (Howard, 1998). Отдельные упоминания рассказа «Красный смех» встречаются у ряда авторов (например, именно его читает один из героев Ш. Андерсона (Anderson, 1947, p. 330)).

Между тем нельзя сказать, что на рассказ «Красный смех» в Великобритании начала XX века не обратили внимания. Его рецепция достаточно широко представлена в периодике. То же (с некоторыми дополнениями) можно утверждать и в связи с американской историей восприятия этого произведения. В данной статье англоязычная рецепция рассказа Андреева рассматривается в хронологическом порядке — от первых переводов и первых рецензий к более поздним фактам восприятия образа «красного смеха», переводу 1980-х годов и последнему переводу 2021 года. Однако в некоторых случаях логика изложения требует упоминания более поздних публикаций.

В задачи настоящего исследования не входит всесторонний анализ переводов — они рассматриваются обзорно, как источники зарубежной рецепции в прессе, художественных и нехудожественных произведениях и как явление, формирующее «волны» интереса к «Красному смеху» и его образам в Великобритании и США. Основная задача статьи — дать обзор и характеристику рецепции образа «красного смеха» в культурной и общественной жизни указанных стран. В дальнейшем эта задача может быть расширена — исследования требует вопрос влияния рассказа Андреева на английскую и американскую литературы.

Первые переводы и отклики

Первый английский перевод «Красного смеха» вышел в 1905 году, через год после его первой публикации в оригинале. Вернее, одновременно были изданы два перевода: 1) под названием *The Crimson Laughter* в «Нью-Йорк Таймз» (переводчик неизвестен, переведены отрывки, дата публикации — 2 июля 1905 года); 2) под названием, которое впоследствии закрепилось за этим произведением, *The Red Laugh* (переводчик — Александра

Линден, о которой известно мало, — в 1902 году она также перевела роман Горького «Трое»; издательство *T. Fisher Unwin*, дата публикации 23 октября 1905 года). Именно перевод Линден станет каноническим и будет переиздан несколько раз (Дэвис, 2012, с. 310).

Трудно объяснить, почему именно «Красный смех» привлек внимание переводчиков и почему появилось сразу два перевода, да еще и на разных континентах. Можно предположить, что дело не только в нарастающей в начале XX века популярности Леонида Андреева в России, но и в назревающих там революционных событиях, которые заставили мировую общественность пристально следить за их развитием и обратить свой взор на современную русскую литературу, особенно остро социальную. В одном из кратких английских обзоров первого перевода сказано: «Маленькая книжка в сто семнадцать страниц, которая передавалась из рук в руки — и русскими моряками, и солдатами во Владивостоке, и рабочими в городах, и крестьянами в отдаленных землях, вызвала всеобщий гнев и негодование, переродившиеся в бунт и восстание, которые вспыхнули и до сих пор тлеют по всей России» (“*The Red Laugh*,” 1905, December, p. 2). Это, безусловно, художественное преувеличение, и вместе с тем эта книга Андреева действительно вызвала у англичан ассоциации с революцией 1905 года. Об этом прямо говорится и в другой рецензии: «Именно такие книги, как „Красный смех“, помогают нам составить правильное представление о революционном духе в России» (*The Red Laugh*, 1905, November, p. 2). Схожие представления о рассказе Андреева как причине революции высказываются и в Америке, в частности в предисловии к первому американскому переводу (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40).

Этот перевод вышел под заголовком: «Русский вариант „Хижина дядюшки Тома“, который произвел сенсацию во всей империи. Запрещен правительством. Отрывки из этого удивительного произведения впервые печатаются в Америке» (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40). Этот подзаголовок интересен прежде всего сравнением с романом Х. Бичер-Стоу (*Uncle Tom’s Cabin*, 1852), который также в свое время привел к огромному общественному резонансу (и даже, по некоторым оценкам, стал катализатором Гражданской войны в США (Goldner, 2001)), так как был направлен против рабовладения. Конечно, это сравнение продиктовано не сходством содержания, образов и т.п., а именно сенсационностью обоих произведений, их злободневностью и последовавшими за их публикацией столкновениями и конфликтами.

В небольшом вступлении к анонимному переводу 1905 года пересказывается содержание рассказа и сам писатель сопоставляется с Верещагиным: «Андреев — это Верещагин с пером» (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40). Любопытным представляется наблюдение автора перевода о жанре рассказа: «Это не роман, это символистское эссе, ниспровергающее войну» (“*The Crimson Laughter*” *Terrifies the Czar*, 1905, p. 40). Добавим, что по размеру леонид-андреевский текст тяготеет к роману, коим многие ан-

глюзыечные критики его и называют. Вслед за этим предисловием рассказ не раз называют в американской прессе символистским (Moderwell, 1915, p. 8). Трактовка «Красного смеха» как символистского текста не вызывает удивления — писательские стратегии Андреева близки символизму, в том числе универсализацией конкретных исторических фактов (Боева, 2016, с. 32).

Совсем иначе выглядит анонимное предисловие (подписанное одной буквой — “O”) к английскому переводу этого рассказа. В этой короткой заметке писатель представлен как автор «короткой прозы», мрачных рассказов, которые — по традиции того времени, заложенной переводчиками и ранними исследователями русской литературы (особенно Достоевского), — интерпретируются в наивно биографическом ключе (в частности, вспоминаются попытки Андреева напечатать свой первый рассказ, «О голодном студенте», которые не увенчались успехом, — якобы в этом рассказе писатель изобразил самого себя). С другой стороны, в предисловии андреевская репутация в России определяется как «сенсационная», «фурорная»: «Он сотворил сенсацию» (“He has invented a new thrill”) (Preface, 1905). «Действительно, — продолжает автор предисловия, — Андреев чувствует себя увереннее всего в жанре ужасов, хотя это прежде всего психологические ужасы, ужасы, бликующие множеством оттенков» (Preface, 1905). Так в англоязычной традиции зарождается репутация Андреева как автора литературы ужасов, которая получила особое развитие в Америке XX века. Из его рассказов автор предисловия выделяет «Молчание» как характерное для писателя произведение, которое его и прославило на родине, и собственно «Красный смех», в котором излагается андреевское восприятие «анахронизма войны» (Preface, 1905). Вероятно, имеется в виду условность контекста Русско-японской войны в этом произведении.

До издания перевода Линден интерес к Андрееву в Великобритании был небольшим. И все же ему способствовали статьи В. Брюсова о современной русской литературе, опубликованные с 1902 по 1905 год в журнале *Athenium*, в которых неоднократно упоминался Андреев (Briusov, 1902, p. 24; Briusov, 1903, p. 23; Briusov, 1904, p. 312; Briusov, 1905, p. 501). Его имя мелькает на страницах журнала *Academy and Literature*, в частности в номере от 24 октября 1903 года, в небольшой заметке о росте популярности русской литературы в Великобритании, где он назван в числе самых читаемых писателей из России — наряду с Достоевским, Тургеневым и Чеховым, но после Горького и с большим отрывом Толстого (*Literary Notes and News*, 1903, p. 432). В этом же номере высказано удивление по поводу отсутствия произведений Андреева (который «в своем роде так же примечателен, как Горький» (*Literary Notes and News*, 1903, p. 432)) в антологии русской литературы под редакцией Л. Винера, в которую были включены тексты, начиная с самых древних и заканчивая самыми на тот момент современными, изданными до 1902 года (*Anthology of Russian Literature*, 1902). То же самое можно сказать и о американской рецепции Андреева до 1905 года. Иногда он упоминался в связи с Горьким (Seltzer, 1903, p. 21), порой попадал в спи-

сок самых читаемых писателей в России (вместе с Толстым, Достоевским, Тургеневым и Чеховым) (Writers and Books, 1903, p. 20).

Итак, первый значимый всплеск интереса к Андрееву в англоязычном мире связан именно с публикацией переводов рассказа «Красный смех». Начнем с небольшой препубликационной заметки в английском журнале *Academy and Literature*. Ее автор, уже познакомившийся с переводом рассказа, сравнивает изображение войны у Андреева и Толстого — и делает вывод не в пользу последнего (подобное мнение высказывают и другие рецензенты (The Red Laugh, 27 Oct. 1905, p. 4)). С одной стороны, он заявляет о реализме Андреева в описании ужасов войны, а с другой — отмечает бессвязность текста, «будто бы порожденного больным разумом» (The Literary Week, 1905, p. 1094). В декабрьском обзоре книжных новинок за 1905 год в *The Westminster Review* рассказ охарактеризован как серия «импрессионистских зарисовок», показывающих «мрачную реальность войны» (Belles Lettres, 1905, p. 714). Раскрывает рецензент и смысл названия, вспоминая эпизод с улыбающимся солдатом, которого убивают выстрелом в голову. Любопытно, что и здесь популярность Андреева сравнивается с популярностью Горького — видимо, вслед за соответствующим постулатом из предисловия к переводу Линден («Теперь его популярность в России почти превзошла популярность Горького» (Preface, 1905, p. vii)). В некоторых обзорах это сравнение получает развитие: «...Это первый английский перевод самого крупного соперника Горького, Леонида Андреева, который, судя по портрету, предворяющему книгу, удивительно похож внешне на Горького» (The Red Laugh, 22 Dec. 1905, p. 455). В другом кратком обзоре леонид-андреевской новинки также отмечен особый психологизм и реализм в изображении войны (New Leaves, 1906, p. 6), и в то же время рассказ воспринимается как чудовищный кошмар, где действительность призрачна, фантомна.

Если англичане связывали Андреева с Горьким, вторя предисловию Линден, которое, по всей видимости, опиралось на мнения из России, где отношения Горького и Андреева привлекали особое внимание общественности (Мескин, 2019), то в США сразу были предприняты попытки сопоставить Андреева и его творчество с американскими писателями настоящего и прошлого. Речь идет не только об уже упомянутом предисловии к первому американскому переводу «Красного смеха», где рассказ был сравнен с романом «Хижина дядюшки Тома», но и о многих других параллелях, выстроенных критиками и в 1905 году, и значительно позже.

Одна из таких параллелей — с Э.А. По — стала впоследствии общим местом в критике и литературоведении. При этом далеко не всегда Л. Андреев назывался продолжателем американского писателя или его русским «эквивалентом». Например, в статье 1908 года в журнале *Current Opinion* анонимный автор статьи об Андрееве, хотя и находит некоторое сходство в творчестве двух писателей («Действительно, есть в его [Л. Андреева] творчестве нечто странное, жуткое, потустороннее, смутно напоминающее По» (Andreyev — A New Portent in Russian Literature, 1908)), видит и много тако-

го, что их разделяет: «...нездоровый в некоторых отношениях гений По не следует сравнивать в плане „тяжести недуга“ с андреевским, который однозначно болен» (Andreyev — *A New Portent in Russian Literature*, 1908); проблема пола мало волновала По, в отличие от Андреева; американский писатель был мечтателем, художником, оторванным от реальности, Андреев же был не просто художником, но и гуманистом, «плодом революции», в произведениях которого отразились «все напрасные надежды, смятение и бедствия народа» (Andreyev — *A New Portent in Russian Literature*, 1908). В предисловии к переводу «Молчания» также критикуется сравнение с По. Признавая их сходство (Андреев, По, а вместе с ними и Готорн — «мастера самонаблюдения» (Leonid Andreev, *Apostle of the Terrible*, 1912, p. 238), наделенные богатым воображением), автор вступительной заметки³ замечает, что изображаемое русским писателем «странное» (“the weird”) всегда скрывает под собой нечто реальное, в то время как «странное» у По — это всегда фантазия, плод воображения в чистом виде. Очевидно, под реальным имеются в виду реальные события — революция и, конечно, война (которая описана в «Красном смехе»). Согласно вступлению, гений Л. Андреева двуединый, в нем как бы соединяются два человека — один, как Готорн, меланхоличный и пессимистичный, но «всем сочувствующий» — больше, чем то предполагает реализм, другой — «мрачный, больной и отвратительный» — неприкрыто демонстрирует все ужасы войны и уродства души (Leonid Andreev, *Apostle of the Terrible*, 1912, p. 238). Вырисовывается весьма противоречивый образ писателя — гуманиста и вместе с тем художника ужасов, душевных уродств, действительно ставших предметом изображения в интересующем нас рассказе, который назван в заметке «самым чудовищным произведением реализма» (Leonid Andreev, *Apostle of the Terrible*, 1912, p. 240).

Л. Андреев ставится в один ряд и с другими американскими писателями, творившими в жанре ужасов и «странной» литературы (weird fiction). Например, критики начала XX века сравнивают его с Ф.М. Кроуфордом (Francis Marion Crawford, 1854–1909) и даже видят в «Красном смехе» отголоски рассказа «Мертвая улыбка» (“The Dead Smile”, 1899) (Scarborough, 1917). Это сходство, вероятнее всего, чисто типологическое — рассказ не был переведен на русский язык к 1904 году и нам не удалось найти никаких указаний на его прочтение Андреевым. Нечто похожее на «красный смех» — отвратительная «вечная» улыбка умирающего и — позже — умершего отца главного героя, за которой скрывается тайна, которую он не желает раскрывать и хочет унести с собой в могилу, — заявляет о себе в рассказе Кроуфорда. Улыбка смерти, не сходящая с уст отца, при его жизни пугающая героя и его двоюродную сестру и после его смерти преследующая их во снах и грезах, оказывается маской страшной тайны: герой вырывает из мертвых рук отца письмо, в котором тот признается в том, что герой и его кузина

³ Заметка подписана «от редактора». Предположительный автор — Дж.Б. Эзенвэйн, который был редактором “Lippincott’s Monthly Magazine” с 1905 по 1914 год.

Эвелин — на самом деле единокровные брат и сестра и что они об этом не узнают, пока не совершится их брак. Улыбка покидает мертвое лицо в тот момент, когда сын читает письмо, которое — по извращенной воле отца — должно было быть прочитано только после заключения брака, но оказывается в руках героя до этого события. Из этого краткого пересказа ясно следует, что сходство этого рассказа с текстом Л. Андреева лишь поверхностное — в зловещих образах улыбки или смеха. Между тем за этими образами таятся смыслы совершенно разные — у Андреева «красный смех» — это метафора безумия войны, у Кроуфорда «мертвая улыбка» — символ тайны, необъяснимого зла в душе человека.

В своем исследовании Скарборо также находит «русские следы» в творчестве Артура Мэчена (Arthur Machen, наст. имя Arthur Llewellyn Jones, 1863–1947), валлийского писателя, автора литературы ужасов, но конкретных произведений не называет. Нам не удалось найти никаких достоверных доказательств взаимовлияния, однако вопрос о типологическом сходстве может быть поставлен. Исследовательница воспринимает Андреева как характерного представителя русской литературы — мрачной, пессимистичной, реалистичной и вместе с тем формирующей основу для сверхъестественного восприятия действительности. Поскольку русская литература, согласно Скарборо, притягательна в своей мрачности, она оказала большое влияние на становление современной англоязычной литературы ужасов (Scarborough, 1917).

Американцы «вплетают» «Красный смех» Андреева и его творчество в целом не только в традицию американской литературы ужасов, но и в традицию «военной» литературы США. Уже в 1905 году первые отклики на рассказ в Америке указывают на сходство рассказа русского писателя с романом Стивена Крейна (Stephen Crane, 1871–1900) «Алый знак доблести» (*The Red Badge of Courage*, 1894) (At Moscow, 1905, p. 5). Сравнение, как кажется, основано на нескольких параллелях: 1) реализм в изображении войны; 2) изображение ужасов войны через внутреннее состояние героя; 3) особый психологизм; 4) интенсивное использование цветовой образности.

Линия сопоставления рассказа Андреева с романом Крейна проходит через весь XX век: в 1915 году оба автора названы «не просто художниками, но и тонкими психологами», которые не просто описывают ужасы войны, но реакции чрезмерно чувствительной личности на ее события (*Campaigning Described by a Russian*, 1915, p. 6). Автор заметки резюмирует: это особенное восприятие, частный случай, по которому не стоит судить о войне в целом. О войне и ее последствиях автор «Красного смеха» не говорит ничего и не дает цельной картины. Он сообщает только о сиюминутных впечатлениях, о том, что он видит здесь и сейчас, и о путешествиях своего сознания и воображения. Его изображение войны такое же ложное, как в тех книгах, где она описывается как триумф и романтическое приключение. В 1987 году вышел новый перевод рассказа Андреева, и вслед за ним появились новые рецензии. В одной из них «Красный смех» снова сопоставляется с «Алым знаком

доблести», и автор статьи оценивает американский роман о Гражданской войне выше, чем повествование Андреева, в котором «ужасы войны не соотносятся с человечностью» (Eder, 1987, p. 88), то есть существуют как бы сами по себе, вытесняя или побеждая человеческое начало. Во времена Первой мировой войны, когда в США, так же как и в Великобритании, тема войны в литературе актуализируется, рассказ русского писателя оказывается соотнесенным с другими произведениями о Гражданской войне в Америке, в частности с «Рассказами о военных и штатских» (*Tales of Soldiers and Civilians*, 1891) Эмброуза Бирса (Ambrose Bierse, 1842–с.1914). Сравнение это оправдано не только содержанием, но и стилистикой — рассказы Бирса мрачные, полные жестокости, горькой иронии, ценятся за достоверность.

Как и в США, в 1905–1906 годы в Великобритании складывается представление об Андрееве как реалисте и тонком психологе, с одной стороны, и как авторе литературы ужасов — с другой. Но ужасов не мистических, не в духе Э. По (в этих ранних английских отзывах на «Красный смех» имя американского писателя не появляется), а ужасов посюсторонних, реалистичных, хотя и гротескно изображенных. Иными словами, это мистика социальная. Англичане этот оттенок сразу уловили. И в то же время Андреев воспринимается как «импрессионист» — в нескольких рецензиях «Красный смех» охарактеризован как литература «впечатлений» (“impressions”). Думается, здесь англичане выявили особенность леонид-андреевского стиля, которая позже дала основание исследователям видеть в его творчестве черты экспрессионизма.

В связи с Андреевым встречаются и небезынтересные более пространственные суждения о русской литературе вообще, реализме и андреевском реализме. Вот что пишет автор одного из наиболее развернутых откликов на это произведение в английской прессе: «Признаюсь, я всегда приступаю к чтению новой книги из России — особенно если ее автор имеет определенную репутацию на родине — с некоторым нетерпением и благоприятным настроением. И, как я вижу, многие со мной солидарны. Русские писатели впечатляют свежестью взгляда на жизнь, своей совершенной искренностью и реализмом произведений в целом. Я прошу прощения за слово „реализм“, которое часто трактуется неверно — как уместные или же маловажные и омерзительные детали, а не как беспрекословное следование правде, истине, что и есть настоящий реализм. <...> Я не знаю, что думать о „Красном смехе“ <...> [описанное в этой книге] невозможно воспринять как правду. Андреев хочет заставить нас думать, что война — это хаос, ужас и безумие <...> Я полагаю, это впечатление человека с воображением и чувствительностью писателя <...>. И тогда эти впечатления правдивы. Однако мы знаем, что не все солдаты сходят с ума и не все они воспринимают борьбу с врагом как кошмар. Они, скорее, наслаждаются ею, особенно если дело идет к победе. Поэтому „Красный смех“ не воспринимается как правдивое повествование, только если не считать, что безумный писатель всех остальных также представляет сумасшедшими. Но как выражение впечатления, произ-

веденного на чувствительное сознание ужасами войны, книга может считаться правдивой. Это не рассказ, но серия впечатлений...» (Р.А.Н., 1905, р. 2). Автор другой рецензии не так благосклонно настроен по отношению к русской литературе в целом и оценивает «Красный смех» исходя из своих предубеждений: «[Этот рассказ] русский — по-странному русский — характерное для полубезумного гения этого народа произведение» (The Red Laugh, 22 Dec. 1905, p. 455).

Подобные суждения обнаруживают себя и в американской периодике. Андреев оценивается как «продукт своей страны, чем он и интересен» (Andreyev — A New Portent in Russian Literature, 1908, p. 282), или — некоторые критики идут дальше, вписывая его творчество в социальный контекст, — «типичный продукт беспокойной общественной обстановки в царской России» (Gorky's Rival In Russia, 1905, p. 7). Указывая на андреевский реализм, американские критики прибегают к историческим параллелям: если изображение войны в «Красном смехе» достоверно, то «генерал Шерман кажется консерватором» (Leonid Andreev, Apostle of the Terrible, 1912, p. 240). Картины ужасов войны в рассказе также сравниваются с творчеством бельгийского художника-романтика А.-Ж. Вирца⁴, запечатлевшего «кровь и пытки».

В конце 1900-х заявила о себе рецепция образа «красного смеха» не только в периодике, но и в художественной литературе, в поэзии. В 1906 году была впервые опубликована книга английского поэта и писателя А. Нойеса (Alfred Noyes, 1880–1958) «Дрейк, английский эпос» (Eng. *Drake, an English Epic*, 1906) о Фрэнсисе Дрейке, английском капитане, мореплавателе времен королевы Елизаветы I. Эпос Нойеса посвящен странствиям Дрейка и написан в духе романтизма, в схожей манере с Теннисоном и Вордсвортом. Образу «красного смеха» здесь противопоставлен образ «мирового благоденствия», а от ужасов войны, от «красного смеха» призвана защитить любовь (очевидно, имеется в виду любовь второй жены Дрейка, Элизабет Синдхем).

Двумя годами позже поэт Дж.Б. Хьюитсон (George Benson Hewetson) выпустил сборник стихотворений «Горы и другие стихотворения» (*The Mountains: And Other Poems*, 1908). Многие стихотворения в нем посвящены актуальным событиям начала XX века — смерти королевы Виктории, коронации Эдуарда VII, а в интересующем нас стихотворении — под названием «Япония» (“Japan”) — выписан образ таинственной восточной державы — поэт говорит о ней «ОНА» (she) — древней и в то же время молодой — царствующей на земле и на воде. И вот в «кровавой тоске» «она засмеялась красным смехом громкого веселья Войны / Когда ее сыновья вышли умирать». Но в речи Японии, которая завершает стихотворение, звучат совсем

⁴ См., напр., его картины «Преждевременное погребение» (L'Inhumation précipitée, 1854), «Что видит голова гильотинированного в первые три момента после казни» (Pensées et visions d'une tête coupée, 1853), «Самоубийство» (Le Suicide, 1854).

не леонид-андреевские мотивы — благородной заботы о своих «детях», живых и мертвых, ведь «благородный никогда не умрет», а «Истине нет могилы» (Hewetson, 1908). Иными словами, «красный смех», ужасы войны обрачиваются не всеобщим безумием, а, напротив, — умиротворением, светом, которым мертвые освещают живых.

В Америке «красный смех» также был воспринят в поэзии, в стихотворении ныне практически забытого автора К.Б. Эллиса (Clifford B. Ellis), посвященном событиям Первой мировой войны. В этом тексте возникают образы грозной «красной ночи» (“red night”), «мира, обезумевшего от войны» (“war-mad world”), вызывающие ассоциации с рассказом Андреева. В стихотворении речь идет о поиске «человека в здравом уме» (“one sane man”), который мог бы спасти мир от надвигающегося апокалипсиса; льется «красный дождь» (“red rain”), по полям вполне по-андреевски раскинуты «вздувшиеся тела с опустевшим взглядом» (“swollen corpses with glazed eyes blank”). Мир — это только мир могилы, о котором умоляют погибающие. Наконец, появляется образ собственно «красного смеха», который «смешивается со стонами смерти» (“red laugh echoes the groans of death”) (Ellis, 1914, p. 6).

Возвращаясь к рецепции в периодике, скажем, что уже в 1906 году «красный смех» стал расхожим выражением для оценки происходящих в России (и не только) событий. В одном из номеров шотландской газеты *Dundee Evening Telegraph* было помещено письмо, посвященное проблемам безработицы, автор которого возмущен пренебрежительным отношением к этому вопросу (в одном из предыдущих номеров предлагалось избавиться от безработных) и в качестве предостережения приводит пример России, где подобное невнимание к бедам «безработных и работников низко оплачиваемого труда привело к погружению в „красный смех“, который повлек за собой разрушительные последствия» (L.V., 1906, p. 2). Андреевский образ начинает жить собственной жизнью и появляется в контекстах, никак не связанных с Россией, — например, в статье об англо-немецких отношениях «красный смех войны» сопоставляется с «улыбкой мира» (Anglo-German Amity, 1910, p. 4). Рассказ связывается и с актуальной для Великобритании повесткой дня, ее имперскими амбициями: «Ярые патриоты, грезящие о военной славе, могут найти лекарство от своей болезни в этой книге» (New Leaves, 1906, p. 6); «наша война в южной Африке была весьма скверной, но эта русско-японская война — в десять раз хуже» (“The Red Laugh”, 11 Nov. 1905, p. 7).

В 1910-е годы и в Великобритании, и в США образ «красного смеха» продолжает отмежевываться от своего автора и России и начинает ассоциироваться с войнами, в которых полыхала Европа. В частности, согласно статье в английском издании “Daily Chronicle Telegram” от 23 ноября 1912 года, приуроченной, как кажется, к окончанию итало-турецкой войны, «красный смех войны» больше не слышится в Стамбуле (именуемом в этой заметке Константинополем) (A Nation of Triflers, 1912, p. 4). «Красный смех» здесь противопоставлен мирной жизни. С началом Первой мировой войны о

«Красном смехе» вспоминают снова — рассказ переиздают в 1915 году и часто обсуждают в контексте реализма в изображении войны (Edinburgh Evening News, 1914, p. 5; Among the Books, 1915, p. 12). Особенно часто ссылались на реализм Андреева и цитировали его в своих целях представители рабочего движения: «...это книга, полная ужасных сцен. Вы никогда не думали, почему цензура правящих классов так беспощадна? Представьте чувства матери из рабочего класса, которая увидела нечто подобное на экране кинотеатра? Теперь вы понимаете? Цивилизованные нации „христианской Европы“ призывают множить отряды солдат и оружие, и именно к рабочим они обращают свое воззвание: и именно от рабочих должен исходить ужасный ответ [на этот призыв]» (Everard, 1914, p. 5). Социалисты также обращались к Андрееву за подтверждением своих положений. Так, в пацифистской статье в газете *Socialist* заявляется: «В последние несколько месяцев можно наблюдать постепенные изменения в общественном мнении. По крайней мере, простой народ начинает осознавать, что война это не величественное и благородное дело, каким политики и духовенство пытаются ее представить <...> Что такое война? Возможно ли в полной мере осознать весь ее беспросветный ужас, ее неопишущую трагичность? Я не думаю, что даже самый талантливый писатель способен описать поле боя, запечатлеть безумие штыковой атаки. Я не буду пытаться сделать это сам <...> но я выбрал один или два отрывка из книги под названием „Красный смех“ Андреева, которая, как мне кажется, в определенной мере демонстрирует ужасы войны» (Howard, 1916, p. 14).

В американских публикациях времен Первой мировой войны «Красный смех» напрямую связывается с событиями настоящего. К примеру, подзаголовок одной из них звучит следующим образом: «“Красный смех”, написанный Леонидом Андреевым до текущего европейского конфликта и теперь переведенный на английский, серия выдающихся впечатлений» (A Russian Novelist's Picture of War, 1915, p. 245). Автор заметки отмечает, что, когда произведение впервые появилось в английском переводе, оно вызвало достаточно бурную читательскую реакцию, но затем как бы выпало из поля зрения, публика потеряла к нему интерес. К концу Первой мировой войны текст Андреева снова стал актуальным и приобрел популярность. Согласно статье, это не просто «общее изображение войны», но отражение именно славянского ее восприятия, «дефектного» и болезненного. Существуют определенные различия между славянской и англосаксонской ментальностью. Славянин, как никто другой, «осознает себя». Американец или англичанин едва ли чувствует свою «душу» — еще в самом начале его жизни она оказывается где-то в темном углу его организма и впоследствии практически полностью игнорируется. Он не любит обсуждать «душу» и ее движения. А вот русскому «душа» очень интересна — он изучает ее, он «втыкает в нее нож, с беспристрастным и религиозным рвением» (A Russian Novelist's Picture of War, 1915, p. 245). Но поскольку он не способен познать свою душу, русский человек увлекается крепкими напитками или совершает суицид.

Именно с этой национальной особенностью — интересом к движениям души и страстью к рефлексии, самоанализу — автор статьи в *New York Times* связывает успехи русской литературы. Однако проблема в том, сообщает он, что чрезмерно рефлексирующий человек неспособен к действию. Когда наступает необходимость действовать резко и решительно, он «впадает в состояние паралича воли и хаоса сознания, такого знакомого нам по героям русских романов, или же он сразу сходит с ума» (*A Russian Novelist's Picture of War*, 1915, p. 245). То же происходит и в «Красном смехе» — это «история мысли, ворвавшейся в пучину действия, которая видит в физическом ужасе ужас психический, что неизбежно завершается безумием» (*A Russian Novelist's Picture of War*, 1915, p. 245).

В то же время автор заметки называет Андреева реалистом и характеризует один из отрывков из рассказа как «лаконичный, почти по-научному буквальный» (*A Russian Novelist's Picture of War*, 1915, p. 245). Завершается статья рассуждениями о том, что «Красный смех» может пролить свет на причину или одну из причин поражения России в Маньчжурии. Задан риторический вопрос: а может быть, причина — в национальном характере, в этой особой неспособности русского человека скоординировать действие и саморефлексию? Русские смелы и могут действовать решительно, — но только если можно действовать быстро. В длительных боях русские начинают анализировать и рефлексировать — в этом их беда.

Что характерно для американцев, в заключении вырисовывается сопоставление — американцы никогда бы не придумали такую историю, не описали бы войну так (как Толстой или Андреев) — в силу недостатка воображения. Но вопрос в том, сможет ли нация, которая видит в войне только «красный смех», выйти победителем без невероятных потерь и эффективно?

На универсальный характер леонид-андреевских картин войны указывается и в другой статье о Первой мировой и ее восприятии в Америке. Можно избегать тему войны, пишет автор статьи, а можно (и нужно) быть открытым к ней как интеллектуальному стимулу, позволяющему переосмыслить жизнь. С его точки зрения, рассказ Андреева — о тщетности войны, о том, что война — это преступление, хотя и неизбежное. Мир во время войны обезумел — «цивилизованный мир окунулся в зверство и варварство» (Е.Ф.Е., 1915, p. 6). В статье речь идет именно об американском восприятии: хотя война и далеко от американцев физически, благодаря таким книгам, как рассказ Андреева, они могут ощутить ее во всей полноте. Автор статьи оправдывает войну в Европе — ведь она освободительная, и никак иначе «зверские амбиции одной из наций» не остановить (Е.Ф.Е., 1915, p. 6).

«Красный смех» оказался вписанным и в «домашний» контекст США, послужив аргументом против «цивилизованной войны» и конфликтов с коренными народами Америки (*Civilized Warfare*, 1914, p. 4). Автор статьи иронизирует, когда говорит, что под «цивилизованной войной» подразумеваются мины, закопанные глубоко в землю и в нужный момент уничтожаю-

щие все живое и неживое на поверхности, создавая месиво из рук, ног, голов. И это, конечно, — здесь звучит явная ирония, — совершенно не то же самое, что древние варварские обычаи индейцев, нападающих ночью и сжигающих противника заживо. «Цивилизованная война» предполагает, продолжает автор статьи, что сбрасывать бомбы из самолетов на спящие города лучше того, что делают индейцы. Заметка заканчивается цитатой из «Красного смеха», описанием одного из «кровавых» эпизодов рассказа, и комментарием: «Вот „цивилизованная война“, которую ведут русские „христиане“» (Civilized Warfare, 1914, p. 4).

Любопытно, что именно в США во времена Первой мировой и вскоре после ее окончания возникает рецепция «Красного смеха» в других видах искусства — в живописи и театре. Из газетных публикаций известно о картине⁵ Майкла Карра (Micheal Carr), профессора искусств университета Миссури, написанной по мотивам андреевского рассказа (Columbian stirs “chi” with his futurist art, 1915, p. 1). Критики не опознают родство текста и картины, хотя они носят одно и то же название и обе посвящены войне. Картина описана как «очередной пугающий образ ужасов войны — красное облако крови» (Columbian stirs “chi” with his futurist art, 1915, p. 1). В другой статье на ту же тему, в которой замысел картины также не получил должного толкования, полотно охарактеризовано несколько иначе: «Зеленоватая фигура, стоящая посреди бескрайнего моря, выплескивающая поток крови. Эта картина непонятна. Она недостаточно красива или трогательна сама по себе. Не дает она и метафизического объяснения жизни, так свойственного модернизму. Мистер Карр просто играл с красками, когда писал ее» (R.J.V., 1916, p. 2B).

В 1923 году рассказ Л. Андреева был адаптирован для театра и поставлен на подмостках театра “Portal Playhouse”. Автор драматизации — Дин Дженсен (Dean Jensen), в главных ролях — Элвин Бартлетт (Elvin Bartlett) и Флоренс Морфи (Florence Morphy). Постановка оценивается критиками как успешная (Lenart, 1923, p. 11; Hedges, 1923, p. 7) и характеризуется как «нетрадиционная драма, апеллирующая к воображению и высшим чувствам» (Hedges, 1923, p. 7). «Мешок из рогожки, свеча из сала, шесть человеческих лиц, искаженных мазком ярко-красной краски» — всего это достаточно, чтобы передать андреевское «бездонное отчаяние» (Hedges, 1923, p. 7), с которым сталкивается человек на войне. Это мелодрама, продолжает автор статьи, но полная социального смысла, которая «странной красотой своей прерывистой поэзии вызывает поток космических образов в зрителе» (Hedges, 1923, p. 7).

Особенно выделяется последняя сцена, которая, как мы понимаем из текста статьи, отличается от оригинального сюжета рассказа. Дженсен «одомашнивает» текст Андреева — или, по крайней мере, его героев — и дает им

⁵ К сожалению, нам не удалось найти фотографий этой картины в сети Интернет, равно как и информации о ее местонахождении.

имена, которых в оригинале нет вовсе. Главным героем пьесы становится солдат Джулиан, глазами которого и показаны все ужасы войны и который погибает в битве (рассказчик у Андреева умирает дома от ран и изнурительного умственного труда). В последней сцене, «с ее странным взаимопроникновением действия, мысли и метафизической подоплеки, мать Джулиана, мертвого солдата, заставляет аудиторию наблюдать за ползущим по миру тем же червем-завоевателем, которого Джулиан видел в своей палатке на поле битвы. Привидение Джулиана возвращается — не безмятежное привидение елизаветинского театра — а сардонический призрак, поющий ликующую военную песню обесчеловеченных душ» (Hedges, 1923, p. 7). Очевидно, пьеса создана, скорее, по мотивам рассказа или представляет собой его вольную интерпретацию — в драматизации значительная роль отведена матери героя (у Андреева она не участвует в действии), которая «провозгласила новое социальное кредо матерей» (Hedges, 1923, p. 7), в статье упоминаются эпизоды, которых мы не находим в оригинале. Пожалуй, единственный образ, который отсылает нас к исходному тексту, — это образ врача (его роль исполнил Льюис Данкан / Lewis Duncan), который наблюдал за безумцами, сражавшимися как здоровые.

Автор статьи почему-то называет «Красный смех» поэмой (возможно, пьеса была написана в стихах) — поэмой вещественной, по своей «текстуре и цвету» напоминающей поэзию Э. По, но более глубоко проникающей в социальную проблематику. Отмечается близость рассказа Андреева к экспрессионизму. Поэтому, сообщается, это произведение должно рассматриваться как часть современной литературы, стремящейся выразить наиболее глубокие социальные смыслы.

«Красный смех» после Первой мировой

После Первой мировой войны интерес к образу «красного смеха» сходит на нет. Его рецепция оказывается связанной со Второй мировой войной, а также выходом новых переводов. Расскажем об одном, наиболее примечательном, подобном случае. Ирландский писатель и драматург Шон О'Кейси (Sean O'Casey, 1880–1964), социалист и пацифист, проявлял пристальное внимание к русской литературе — в первую очередь, в связи со своими политическими взглядами. Потому естественно, что большая часть его статей о русской литературе начала XX века посвящена творчеству Горького и Маяковского. Неудивительно также, что о Л. Андрееве он отзывов не оставил. Однако по его литературной автобиографии 1956 года очевидно, что с книгами русского писателя ирландец был знаком. Одна из глав этой автобиографии названа «Красный смех войны» (“The Red Laugh of War”), что само по себе служит прямой отсылкой к леонид-андреевскому рассказу. В этой главе в художественной форме осмысляется Вторая мировая война и ее последствия — через своеобразное сплетение «Красного смеха» Андреева и «Любовной песни Альфреда Дж. Пруфрока» Т.С. Элиота. Пруфрок оказыва-

ется символом слабого и будто бы нерешительного человека, столкнувшегося лицом к лицу с ужасами войны, необходимостью им противостоять: «Он [Пруфрок] снял свой воротничок и галстук, обернул шарф вокруг своей тощей шеи, огрубевшей от солнца, ветра и дождя, и покрыл свою лысеющую голову, худые ноги и руки стальным шлемом и доспехами... Действительность была настолько динамичной и грозной, что в ней не осталось места страху» (О'Кейси, 1976, р. 574). Андреевское влияние в этой главе заявляет о себе как в конкретных образах, так и в общих мотивах. Проникновение «красного смеха» войны в мирную жизнь, которая стала измеряться не «чайными ложками», а «ружьем»; прежде спокойный, тихий городок Тотнес наполнился хаотичным движением, и люди «почти убивали друг друга» во время подготовки к вторжению врага — все это описано с явным намеком на Андреева, в рассказе которого сначала солдаты одной армии стали убивать друг друга без причины, а затем и мирные жители (О'Кейси, 1976, р. 575).

О'Кейси описывает Лондон военного времени, рассказывает об американских солдатах, с которыми вел беседы. Об одном из них, скучающем по родному Канзас-Сити, О'Кейси говорит: «Он отвернулся и продолжил свой неторопливый променад по лагерю, медленный и механический, в поисках тишины и уединения, чтобы снова образ Канзаса возник в больших широко открытых карих глазах; и красный смех снова обжег уши Шона» (О'Кейси, 1976, р. 578)⁶. Мирному прошлому, символически выраженному в счастливом смехе у «пылающего рождественского камина, напитанного красноватым блеском», ирландский писатель противопоставляет военное положение, некоего «мерзавца, который залился резким красным смехом» (О'Кейси, 1976, р. 579). В этой главе автобиографии появляется и другой «красный» образ — образ красной звезды, советского флага, ассоциирующегося с надеждой на мирную жизнь, на спасение: «Советский флаг впервые появился на улицах Тотнеса, и многие носили красные звезды на лацканах блуз и пальто; ведь успехи Красной Армии смягчили страх и уменьшили вероятность вражеского вторжения...» (О'Кейси, 1976, р. 580). Автор сообщает о предчувствии победы союзных войск, и здесь «красный смех» приобретает несколько иной смысл — О'Кейси «угрожает» «красным смехом» Гитлеру. То есть «красный смех» сопровождает победное наступление союзных войск на Германию. «Красный смех» охватывает все сферы бытия в военное время, обволакивает проигрывающих и побеждающих, солдат и мирных жителей: «Он был везде: преследовал Гитлера; звучал мягко, иронично, убийственно в ушах нацистов, стремительно наступающих на Россию; он просачивался в фантазии американцев, копающих траншеи вокруг лагеря...; он окружил британцев, лишая Англию ее имени; его насмешка кошунственно затмила хрипы тяжело раненого, умирающего солдата, и здесь его порыв захлестнул этот простой домишко в Девоншире, мягкий, ироничный, убий-

⁶ «Шона» — Шона О'Кейси, здесь он говорит о себе в третьем лице.

ственный — красный смех войны» (O'Casey, 1976, p. 581). Таковы Вторая мировая война в восприятии О'Кейси и его «красный смех», как бы адаптированный к середине века и оптимистически оборачивающийся оружием против фашизма.

В завершение дадим очень краткий обзор двух последних переводов «Красного смеха». В 1987 году внучкой Л. Андреева и ее мужем — Ольгой и Генри Карлайл (Olga and Henry Carlisle) — был выполнен новый перевод рассказа. В издание под названием «Видения: рассказы и фотографии» (*Visions: Stories and Photographs*) вошли такие произведения, как «Бездна», «Мысль», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных», то есть короткая проза Андреева, уже хорошо знакомая англоязычному читателю. Издание также сопровождается предисловием, в котором представлена краткая литературная биография Андреева и сказано несколько слов о «Красном смехе», в частности о том, как это произведение восприняли в России — Карлайл пересказывает отзывы Горького, А. Белого, Вересаева, Л. Толстого. В том же году вышла рецензия на это издание (Eder, 1987, p. 88). Любопытным в ней представляется тезис об Андрееве как предшественнике Кафки и кафкианской «традиции» в целом.

Последний перевод (2021 года) включает в себя также рассказ «Бездна». В предисловии делается попытка объяснить популярность Андреева в России начала XX века злободневностью его творчества, его особой созвучностью времени. Отмечается малая заинтересованность в Андрееве в СССР (которая существовала в основном в контексте Горького) и представление об Андрееве как второстепенном писателе в западном литературоведении. Затрагиваются вопросы истории издания произведений, их рецепции в России, а также проблема стилистической принадлежности андреевского творчества к какому-либо направлению — К. Лодж (K. Lodge), автор перевода и предисловия, относит раннее творчество Андреева к «декадансу» — в значении литературы пессимизма, а более поздний период связывает с экспрессионизмом (отмечая, впрочем, по традиции, что ранний рассказ «Красный смех» также несет в себе черты экспрессионизма).

Издание также интересно и необычно благодаря целому разделу, в котором собраны тексты, образующие контекст произведений Л. Андреева, опубликованных в этом сборнике. Это, в частности, антивоенное эссе «Одумайтесь!» (1904) Л. Толстого; заметки Немировича-Данченко, П. Краснова и некоего анонима о Русско-японской войне из газет того времени, а также отрывок из мемуаров В. Вересаева; отрывок из книги Густава Лебона «Психология народа и масс» (1895); леонид-андреевская корреспонденция по теме — его письма к Горькому, Вересаеву, Толстому, Дымову, Неведомскому; а также отклики символистов (Вяч. Иванова и А. Белого) на этот рассказ Андреева. Многие из текстов публикуются на английском языке впервые. Книга примечательна и иллюстрациями. На обложке книги — картина Гойи. Этот выбор кажется неслучайным — сам Андреев обдумывал издание «Красного смеха» с картинами Гойи в виде иллюстраций (Боева, 2016, с. 87).

Издание также содержит большой иллюстративный раздел, состоящий из разнообразных изображений войн XIX века, агитационные плакаты времен Русско-японской войны, а также картины экспрессиониста Э. Мунка.

Заключение

Итак, основные волны интереса к рассказу «Красный смех» в Великобритании и США связаны с революцией 1905 года и двумя мировыми войнами (прежде всего Первой). Леонид Андреев получает оценки как (не совсем) реалист, символист, декадент, «импрессионист», писатель ужасов — спектр оценок достаточно широк. Воспринимаемое как произведение остро социальное, этот рассказ и образ, давший ему название, используются в соответствующем дискурсе, общественно-политическом, и становятся аргументом в пользу убеждений его читателей, авторов статей. От андреевского текста также отталкиваются в размышлениях о России, национальном характере — прежде всего русском и американском, и шире — о судьбах мира, охваченного войной.

Вместе с тем центральный образ рассказа — «красный смех» — оказался настолько ярким и емким, что приглянулся поэтам начала XX века. При этом часто функционируют андреевские образы совсем не по-андреевски, что связано с их «пропусканьем» через другие виды искусства, либо с определенной интенцией реципиента, явно отличающейся от авторской (поэзия, «Автобиографии» Ш. О'Кейси, постановка “Portal Playhouse”, «нелитературная» публицистика).

Американская рецепция образа «красного смеха» оказывается больше и разнообразнее английской. Это обусловлено, во-первых, чисто физическими причинами: к 1905 году численность населения США более чем в два раза превышала численность населения Соединенного Королевства, и отсюда — значительное большее количество периодических изданий в Америке. Во-вторых, к этому времени в американской культуре уже существовала достаточно богатая традиция литературы ужасов, в которую Л. Андреев был с готовностью вписан. Как известно, во многом именно (литературная) конъюнктура страны определяет «то, что вообще может быть заимствовано, или же то, что, латентно уже присутствуя в национальной памяти, может быть реактивировано» (Эспань, 2018, с. 64).

В случае восприятия образа «красного смеха» (и творчества Л. Андреева в целом) в США подходящую для рецепции конъюнктуру составила традиция, заложенная еще в эпоху предромантизма, получившая развитие в творчестве По и Готорна в XIX веке, Г. Джеймса и ряда других писателей в веке XX. Открытым остается вопрос о том, почему английская «литература ужасов», — пожалуй, не менее внушительная, чем американская (Жаринов, 2017), — разглядела в «Красном смехе» и ее авторе знакомые черты, но не включила их в «свой» круг. Здесь же следует наметить возможные пути для дальнейших исследований рецепции «Красного смеха» в англоязычном

культурном пространстве. Это, безусловно, проблема влияния этого рассказа (и творчества Андреева в целом) на английскую и — может быть, в большей степени, как подсказывают нам современные Андрееву критики, — американскую литературу.

Библиографический список

Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. и со вступит. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М., СПб.: ATHENEUM-ФЕНИКС, 1994.

Ашешов Н. Из жизни и литературы. Новое произведение Л. Андреева // Образование. 1905. № 2. Отд. II. С. 37.

Белый А. Апокалипсис в русской поэзии // Андрей Белый. Собр. соч. Т. 8. М.: Республика, 2012. С. 478–490.

Боева Г.Н. К вопросу о литературной репутации Леонида Андреева: понятие «леонидандреевщина» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 17–30.

Боева Г.Н. Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 510 с.

Бондарева Н.А. Творчество Л. Андреева и немецкий экспрессионизм: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2005. 205 с.

Григорьев А.Л. Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская литература. 1972. № 3. С. 190–204.

Дэвис Р. Библиография переводов произведений Леонида Андреева на английский язык // Леонид Андреев: исследования и материалы / под ред. Р.Д. Дэвиса и М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 310–329.

Жаринов Е.В. История жанра романа «ужаса» в литературе Англии и Америки // Историко-литературные корни массовой беллетристики М.: Флинта, 2017. 184 с.

Иванов Вяч. О «красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. № 3. С. 43.

Кен Л.В. Леонид Андреев и немецкий экспрессионизм // Андреевский сборник. Исследования и материалы / под науч. ред. Л.Н. Афонина. Курск, 1975. Т. 37. 262 с.

Мескин В.А. Леонид Андреев и Максим Горький: взгляд из XXI века // Гуманитарная парадигма 2019. № 3 (10). С. 54–65.

Ришина Р. «Вечные дебри отчаянья»: Леонид Андреев и американский оптимизм. (К восприятию творчества Леонида Андреева в Америке) // Леонид Андреев: исследования и материалы / под ред. Р.Д. Дэвиса и М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 180–201.

Роле С. Рецепция творчества Л. Андреева во Франции // Леонид Андреев: исследования и материалы / под ред. Р.Д. Дэвиса и М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 2. С. 209–218.

Тонер П.М. Энциклопедический словарь экспрессионизма // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 5–20.

Хайрулина О.И. Рецепция драматургии Л.Н. Андреева в Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 159 с.

Шишкина Л.И. К вопросу о литературной репутации и роли СМИ в ее формировании (на материале прозы Л. Андреева) // Управленческое консультирование. 2020. № 12. С. 177–186. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-12-177-186>

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: НЛО, 2018. 816 с. Among the Books // Daily Herald. 2 Jan. 1915. P. 12.

A Nation of Triflers // Liverpool Echo. 23 Nov. 1912. P. 4.

- Anderson Sh.* The Sherwood Anderson Reader. Boston (MA): Houghton Mifflin Co., 1947. 850 p.
- Andreyev — A New Portent in Russian Literature // *Current Opinion*. 1908. № 3. Vol. 45. P. 282–286.
- Anglo-German Amity // *Nottingham Journal*. 18 Aug. 1910. P. 4.
- Anthology of Russian Literature / ed. and comp. by L. Wiener. N.Y./L.: G.P. Putnam's Sons, 1902. 447 p.
- A Russian Novelist's Picture of War // *The New York Times Book Review*. 4 Jul. 1915. P. 245.
- At Moscow // *The Butte Daily Post*. 24 Feb. 1905. P. 5.
- Belles Lettres // *The Westminster Review*. Dec. 1905. P. 712–715.
- Bernstein H.* With the Author of "Red Laughter" // *The New York Times*. 04 Sept. 1908. P. 487.
- Briusov V.* Russia // *The Athenaeum*. Jul. to Dec. 1902. P. 24–26.
- Briusov V.* Russia // *The Athenaeum*. Jul. to Dec. 1903. P. 22–25.
- Briusov V.* Russia // *The Athenaeum*. 3 Sept. 1904. P. 312–314.
- Briusov V.* Russian Literature // *The Athenaeum*. Jul. to Dec. 1905. P. 500–502.
- Burke R.* The Robert E. Howard Bookshelf. United Press Association, 1998. URL: <https://howardhistory.com/the-robert-e-howard-bookshelf/> (accessed: 01.12.2021).
- Campaigning Described by a Russian // *The New York Times*. 5 Jul. 1915. P. 6.
- Civilized Warfare // *The Labor World*. 19 Sept. 1914. P. 4.
- Columbian stirs "chi" with his futurist art // *The Evening Missourian*. 4 Sept. 1915. P. 1.
- Davies R., Rogatchevski A.* Groping In The Dark: Leonid Andreev And The Hogarth Press // *Toronto Slavic Quarterly*. Spring 2011. № 3. P. 66–90.
- Eder R.* Some of the Best of Russian Literature // *The Los Angeles Times*. 9 Dec. 1987. P. 88.
- Edinburgh Evening News*. 28 Dec. 1914. P. 5.
- E.F.E.* Warfare and its Horrors // *Boston Evening Transcript*. 15 Jan. 1915. P. 6.
- Ellis C.B.* The Peace-Keeper // *The Oregon Daily Journal*. 4 Oct. 1914. P. 6.
- Everard L.C.* The Cinema and the War // *Daily Herald*. 14 Aug. 1914. P. 5.
- Goldner E.J.* Arguing with Pictures: Race, Class and the Formation of Popular Abolitionism Through Uncle Tom's Cabin // *Journal of American & Comparative Cultures*. 2001. № 24. P. 71–84.
- Gorky's Rival In Russia // *Omaha Daily Bee*. 1 Aug. 1905. P. 7.
- Hedges M.H.* Andreyev's Red Laugh Converted in to a Play by Dean Jensen // *The Minneapolis Star*. 17 May 1923. P. 7.
- Hewetson G.B.* The Mountains: And Other Stories. L.: Sisley's, 1908. 88 p.
- Howard P.* Europe's Carnal House // *Socialist*. 1 Nov. 1916. P. 14.
- Howard R.E.* Letter to Tevis Clyde Smith (20 February 1928) // *Burke R.* The Robert E. Howard Bookshelf. United Press Association, 1998. URL: <https://howardhistory.com/the-robert-e-howard-bookshelf/> (accessed 01.12.2021).
- Joshi S.T.* Lovecraft's Library: A Catalogue / 4th ed. N.Y.: Hippocampus Press, 2017. 204 p.
- Lenart E.* Portal Players Give Group of One-Act Plays // *Star Tribune*. 17 May 1923. P. 11.
- Leonid Andreev, Apostle of the Terrible // *Lippincott's Monthly Magazine*. 1912. № 536. Vol. 90. P. 238.
- Literary Notes and News // *Academy and Literature*. 24 Oct. 1903. P. 431–434.
- L.B.* Dundee Unemployed // *Dundee Evening Telegraph*. 29 Jan. 1906. P. 2.
- Moderwell H.K.* Andreieff: Russian Dramatist Now Marching Into the Western World // *Boston Evening Transcript*. 24 Apr. 1915. P. 8.

- New Leaves // Justice. 6 Jan. 1906. P. 6.
O'Casey S. *Autobiographies*. L.: Macmillan & Co, 1976. Vol. II. 665 p.
P.A.H. A Literary Nightmare // The Abroath Herald. 16 Nov. 1905. P. 2.
Powys J.C. *Autobiography*. N.Y.: Simon and Schuster, 1934. 595 p.
Preface // The Red Laugh / Tr. by A. Linden. L.: T. Fisher Unwin, 1905. P. vii–viii.
R.J.B. News of the Fine Arts // The Kansas City Star. 4 Apr. 1916. P. 2B.
Scarborough D. *The Supernatural in Modern English Fiction*. N.Y./L.: G.P. Putnam's Sons, 1917. 329 p.
Seltzer T. Recreation of Russia's Young Author // Pittsburgh daily Post. 5 Jul. 1903. P. 21.
“The Crimson Laughter” Terrifies the Czar // The New York Times. 02 Jul. 1905. P. 40.
The just resurrection of Leonid Andreyev // The San Francisco Examiner. 5 Jan. 1908. P. 21.
The Literary Week // Academy and Literature. 21 Oct. 1905. P. 1091–1094.
The Red Laugh // Clarion. 27 Oct. 1905. P. 4.
The Red Laugh // Leeds Mercury. 20 Nov. 1905. P. 2.
The Red Laugh // The Labour Leader. 22 Dec. 1905. P. 455.
“The Red Laugh” // Bargoed Journal. 11 Nov. 1905. P. 7.
“The Red Laugh” // Hull Daily Mail. 28 Dec. 1905. P. 2.
The Situation in Spain, Italy and Russia // The American Monthly Review of Reviews. 1902. № 153. Vol. 26. P. 444.
Wilson C. *The Strength to Dream*. L.: Cox & Wyman Ltd., 1962. 254 p.
Writers and Books. The Literary World of Today // Boston Evening Transcript. 11 Nov. 1903. P. 20.

References

- “The Crimson Laughter” Terrifies the Czar (1905, July 2). *The New York Times*, 40.
“The Red Laugh.” (1905, December 28) *Hull Daily Mail*, 2.
“The Red Laugh” (1905, November 11). *Bargoed Journal*, 7.
A Nation of Triflers. (1912, November 23). *Liverpool Echo*, 4.
A Russian Novelist's Picture of War. (1915, July 4). *The New York Times Book Review*, 245.
Among the Books (1915, January 2). *Daily Herald*, 12.
Anderson, Sh. (1947). *The Sherwood Anderson Reader*. Boston (MA): Houghton Mifflin Co.
Andreev, L. (1994). *S. O. S. Diary (1914–1919). Letters (1917–1919). Articles and Interviews (1919). Contemporaries' Memoirs (1918–1919)*. Moscow, Saint-Petersburg: ATHENEUM-FENIKS Publ., 1994.
Andreyev — A New Portent in Russian Literature. (1908) *Current Opinion*, 45(3), 282–286.
Anglo-German Amity. (1910, August 18). *Nottingham Journal*, 4.
Anthology of Russian Literature (1902). New York/London: G.P. Putnam's Sons.
Asheshov, N. (1905). From Life and Literature. A New Work of L. Andreev. *Obrazovanie*, (2), p. 37. (In Russ.)
At Moscow. (1905, February 24). *The Butte Daily Post*, 5.
Belles Lettres. (1905, December). *The Westminster Review*, 712–715.
Bely, A. (2012). Apocalypse in Russian Literature. *Andrey Bely. Collected Works. Vol. 8*. Moscow: Respublika Publ. P. 478–490. (In Russ.)
Bernstein, H. (1908, September 4). With the Author of “Red Laughter”. *The New York Times*, 487.

- Boeva, G.N. (2018). On the Literary Reputation of Leonid Andreev: The Notion of “leonidandreevshina”. *Saint-Petersburg University Bulletin. Language and Literature*, 15(1), 17–30. (In Russ.)
- Boeva, G.N. (2016). *The Phenomenon of Leonid Andreev and the Epoch of Modernism: Poetics, Reception, Literary Contacts*. Doctor Hab. Diss. Saint-Petersburg. (In Russ.)
- Bondareva, N.A. (2005). *Leonid Andreev and German Expressionism*: PhD Diss. Orel. (In Russ.)
- Briusov, V. Russia (1902, July-December). *The Athenaeum*, 24–26.
- Briusov, V. Russia (1903, July-December). *The Athenaeum*, 22–25.
- Briusov, V. Russia (1904, September 3). *The Athenaeum*, 312–314.
- Briusov, V. Russian Literature (1905, July-December). *The Athenaeum*, 500–502.
- Burke, R. (1998). The Robert E. Howard Bookshelf. *United Press Association*. Retrieved December 1, 2021, from <https://howardhistory.com/the-robert-e-howard-bookshelf/>
- Campaigning Described by a Russian (1915, July 5). *The New York Times*, 6.
- Civilized Warfare (1914, September 19). *The Labor World*, 4.
- Columbian stirs “chi” with his futurist art (1915, September 4). *The Evening Missourian*, 1.
- Davies, R. (2012). A Bibliography of English Translations of Leonid Andreev. In *Leonid Andreev: Research and Materials. Part 2* (pp. 310–329). (In Russ.)
- Davies, R., Rogatchevski, A. (2011). Groping in the Dark: Leonid Andreev and the Hogarth Press. *Toronto Slavic Quarterly*, (3), 66–90.
- E.F.E. (1915, January 15). Warfare and its Horrors. *Boston Evening Transcript*, 6.
- Eder, R. (1987, December 9). Some of the Best of Russian Literature. *The Los Angeles Times*, 88.
- Edinburgh Evening News* (1914, December 28), 5.
- Ellis, C.B. (1914, October 4). The Peace-Keeper. *The Oregon Daily Journal*, 6.
- Espagne, M. (2018). *History of Civilizations as Cultural Transfer*. Moscow: NLO Publ., 2018. (In Russ.)
- Everard, L.C. (1914, August 14). The Cinema and the War. *Daily Herald*, 5.
- Goldner, E.J. (2001). Arguing with Pictures: Race, Class and the Formation of Popular Abolitionism Through Uncle Tom’s Cabin. *Journal of American & Comparative Cultures*, (24), 71–84.
- Gorky’s Rival In Russia (1905, August 1). *Omaha Daily Bee*, 7.
- Grigoriev, A.L. (1972). Leonid Andreev in World Literary Process. *Russkaya Literatura*, (3), 190–204. (In Russ.)
- Hairulina, O.I. (2019). *The Reception of Leonid Andreev’s Drama in Germany*: PhD Diss. Moscow. (In Russ.)
- Hedges, M.H. (1923, May 17). Andreyev’s Red Laugh Converted into a Play by Dean Jensen. *The Minneapolis Star*, 7.
- Hewetson, G.B. (1908). *The Mountains: And Other Stories*. London: Sisleys, 1908.
- Howard, P. (1916, November 1). Europe’s Carnal House. *Socialist*, 14.
- Howard, R.E. (1998). Letter to Tevis Clyde Smith (20 February 1928)
- Ivanov, Vyach. (1905). On “Red Laugh” and “Right Madness”. *Vesy*, (3), 43. (In Russ.)
- Joshi, S.T. (2017). *Lovecraft’s Library: A Catalogue*. New York: Hippocampus Press.
- Ken, L.V. (1975). Leonid Andreev and German Expressionism. In *Andreevsky Sbornik. Issledovaniya i Materialy* (Vol. 37). Kursk. (In Russ.)
- L.B. (1906, January 29). Dundee Unemployed. *Dundee Evening Telegraph*, 2.
- Lenart, E. (1923, May 17) Portal Players Give Group of One-Act Plays. *Star Tribune*, 11.
- Leonid Andreev, Apostle of the Terrible (1912). *Lippincott’s Monthly Magazine*, 90(536), 238.

- Literary Notes and News (1903, October 24). *Academy and Literature*, 431–434.
- Meskin, V.A. (2019). Leonid Andreev and Maksim Gorky: A Point of View from the XXI Century. *Gumanitarnaya Paradigma*, 3(10), 54–65. (In Russ.)
- Moderwell, H.K. (1915, April 24). Andreieff: Russian Dramatist Now Marching Into the Western World. *Boston Evening Transcript*, 8.
- New Leaves (1906, January 6). *Justice*, 6.
- O’Casey, S. (1976). *Autobiographies* (Vol. II). London: Macmillan & Co.
- P.A.H. (1905, November 16). A Literary Nightmare. *The Abroath Herald*, 2.
- Powys, J.C. (1934). *Autobiography*. New York: Simon and Schuster.
- Preface (1905). *The Red Laugh* (pp. vii–viii). London: T. Fisher Unwin.
- R.J.B. (1916, April 4). News of the Fine Arts. *The Kansas City Star*, 2B.
- Rishina, R. (2012). “Neverending Wilderness of Despair”: Leonid Andreev and American Optimism. In *Leonid Andreev: Materials and Research. Part. 2* (pp. 180–201). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Role, S. (2012). Leonid Andreev’s Reception in France. In *Leonid Andreev: Materials and Research. Part. 2* (pp. 209–218). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Scarborough, D. (1917). *The Supernatural in Modern English Fiction*. New York/London: G.P. Putnam’s Sons.
- Seltzer, T. (1903, July 5). Recreation of Russia’s Young Author. *Pittsburgh daily Post*, 21.
- Shishkina, L.I. (2020). On Literary Reputation and the Role of Mass Media in its development (on the Example of Leonid Andreev’s Prose). *Upravlencheskoe Konsultirovanie*, (12), 177–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-12-177-186>
- The just resurrection of Leonid Andreyev (1908, January 5). *The San Francisco Examiner*, 21.
- The Literary Week (1905, October 21). *Academy and Literature*, 1091–1094.
- The Red Laugh (1905, December 22). *The Labour Leader*, 455.
- The Red Laugh (1905, November 20) *Leeds Mercury*, 2.
- The Red Laugh (1905, October 27). *Clarion*, 4.
- The Situation in Spain, Italy and Russia (1902) *The American Monthly Review of Reviews*, 26(153), 444.
- Tooper, P.M. (2008). The Encyclopedia of Expressionism. *The Encyclopedia of Expressionism* (pp. 5–20). Moscow: IWL RAS Publ. (In Russ.)
- Wilson, C. (1962). *The Strength to Dream*. London: Cox & Wyman Ltd.
- Writers and Books. The Literary World of Today (1903, November 11). *Boston Evening Transcript*, 20.
- Zharinov, E.V. (2017). A History of the Genre of “Horror” in English and American Literature. In *Historical and Literary Sources of Mass Literature*. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маркова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. ORCID ID: 0000-0001-5954-1440; e-mail: glazkova1992@gmail.com

Bio note:

Ekaterina A. Markova, PhD, Senior Researcher, the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0001-5954-1440; e-mail: glazkova1992@gmail.com